

**Николай Николаевич Миклухо-
Маклай**

Человек с Луны

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

Человек с Луны / Николай Николаевич Миклухо-Маклай – М.: Книга по Требованию, 2011. – 236 с.

ISBN 978-5-4241-1382-6

В книге помещены путевые дневники, статьи и письма великого русского путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Центральное место занимают его рассказы о пребывании на Берегу Маклая, о взаимоотношениях с папуасами, о торжестве дружбы, человечности, взаимопонимания. В книге раскрываются нравственный облик русского ученого-демократа и его жизненные принципы, предстает трудный, исполненный драматизма жизненный путь.

ISBN 978-5-4241-1382-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Миклухо-Маклай Николай
Николаевич. Человек с Луны

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

Дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая

Составление, подготовка текстов, комментариев и послесловие Б. Н.
ПУТИЛОВА

СОДЕРЖАНИЕ:

Вместо предисловия

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю (25 сентября 1886 г.)

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая (С.-Петербург, 29 января 1887 г.)

I

Первое пребывание на берегу Маклая в Новой Гвинее от сент. 1871 г. по дек. 1872 г.

Из статьи "Почему я выбрал Новую Гвинею" (1871 г.)

Из письма Ф. Р. Остен-Сакену (Тернате, Молуккские острова, 4 февраля 1873 г.)

Из статьи "Антропология и этнология меланезийцев" (1886 г.)

Из статьи "Краткое сообщение о моем пребывании на восточном берегу ос. Новой Гвинеи в 1871–1872 годах"

Из письма матери, Екатерине Семеновне (Тернате, февраль 1873 г.)

Из письма сестре Ольге (Тернате, февраль 1873 г.)

Из письма матери (Гонконг, апрель 1873 г.)

Из письма другу А. А. Мещерскому (Гонконг, апрель 1873 г.)

Из письма председателю Русского географического общества вел. кн. Константину Николаевичу (Гонконг, май 1873 г.)

Из письма другу А. А. Мещерскому (Бюйтензорг, о-в Ява, июль 1873 г.)

Из письма ему же (Бюйтензорг, ноябрь 1873 г.)

Из письма ему же. (Амбоина. Восточная Индонезия, январь 1874 г.)

Из письма ему же (Гесир, Восточная Индонезия, февраль 1874 г.)

II

Вторая поездка в Новую Гвинею

Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г.

Из меморандума генерал-губернатору Нидерландской Индии

Два путешествия по Малаккскому полуострову 1874–1875 гг.

(Из писем в Русское географическое общество)

Секретарю Русского географического общества (Бюйтензорг, декабрь 1875 г.)

Из письма другу А. А. Мещерскому (Тихий океан, март 1876 г.)

Секретарю Русского географического общества (Тихий океан, шхуна "Sea Bird", май 1876 г.)

Из письма ему же (3 июля 1876 г. Конфиденциально)

III

Из дневника второго путешествия на Берег Маклая (1876–1877 гг.)

Из письма А. А. Мещерскому (сентябрь, мыс Бугарлом, ноябрь 1877 г., около о-ва Агомес)

Из статьи о втором пребывании на Берегу Маклая (1877 г.)

Из сообщения о путешествиях, сделанного в Русском географическом обществе в 1882 г.

Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову (Сингапур, январь 1878 г.)

Из письма другу Ф. Р. Остен-Сакену (Сингапур, апрель 1878 г.)

- Из письма сестре Ольге (Сидней, август 1878 г.)
- Из письма сэру Артуру Гордону, британскому верховному комиссару в западной части Тихого океана (Сидней, январь 1879 г.)
- Из письма П. П. Семенову (Сидней, 13 февраля 1879 г.)
- IV
- Из дневника путешествия на острова Меланезии в 1879 г.
- Из письма великому князю Николаю Михайловичу (Сидней, июнь 1881 г.)
- Из письма брату Михаилу (на пути в Россию, фрегат "Герцог Эдинбургский", апрель 1882 г.)
- Из письма ему же (крейсер «Азия», Александрия, июнь 1882 г.)
- Из письма вице-председателю Русского географического общества П. П. Семенову (крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.)
- Из письма Ф. Р. Остен-Сакену (конфиденциально, крейсер «Азия», Александрия, июль 1882 г.)
- Из письма ему же (броненосный корабль "Петр Великий". Шербург. 15/27 августа 1882 г.)
- Из интервью корреспонденту газеты "Новости и Биржевая газета" (С.-Петербург, сентябрь 1882 г.)
- Из выступления в Географическом обществе (1 октября 1882 г.)
- Из выступления там же 8 октября
- V
- Третье посещение Берега Маклая (1883 г.)
- Из письма лорду Дерби, статс-секретарю колоний (Сидней, октябрь 1883 г.)
- Телеграмма гофмаршалу, князю В. С. Оболенскому (Сидней, ноябрь 1883 г.)
- Из письма брату Михаилу (Сидней, ноябрь 1883 г.)
- Из письма адмиралу Вильсону (Австралия, март 1884 г.)
- Из письма английскому знакомому Масгребу (Австралия, март 1884 г.)
- Телеграмма канцлеру Бисмарку (Мельбурн, январь 1885 г.)
- Из письма министру иностранных дел России Н. К. Гирсу (Мельбурн, январь 1885 г.)
- Из письма императору Александру III (С.-Петербург, июль 1886 г.)
- Из письма министру иностранных дел Н. К. Гирсу (С.-Петербург, август 1886 г.)
- Письмо в редакцию петербургских газет (С.-Петербург, февраль 1887 г.)
- Из письма брату Сергею (С.-Петербург, март 1887 г.)
- Из письма Наталии Александровне Герцен (?). (По пути в Австралию, пароход «Неккар», апрель — май 1887 г.)
- Из письма неизвестному лицу (май 1887 г.)
- Из письма брату Михаилу (С.-Петербург, сентябрь 1887 г.)
- Из письма ему же (январь, 1888 г.)
- Профессору-антропологу А. П. Богданову (С.-Петербург, клиника Виллие, 15 марта 1888 г.)

Послесловие. Б. Н. Путилов

Примечания

Аннотация редакции: В книге помещены путевые дневники, статьи и письма великого русского путешественника, ученого-гуманиста

Николая Николаевича Миклухо-Маклая. Центральное место занимают его рассказы о пребывании на Берегу Маклая, о взаимоотношениях с папуасами, о торжестве дружбы, человечности, взаимопонимания. В книге раскрываются нравственный облик русского ученого-демократа и его жизненные принципы, предстает трудный, исполненный драматизма жизненный путь.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Письмо Л. Н. Толстого Н. Н. Миклухо-Маклаю 25 сентября 1886 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Очень благодарен за присылку ваших брошюр. Я с радостью их прочел и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует — не интересует, а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают. Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманом насилия, что наивно убедились в том, и насилующие и насилуемые, что это-то уродливое отношение людей, не только между людоедами и нехристианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек, под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений), является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший humbug (т. е. вздор. — Б. П.), от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно. Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами. Мне хочется вам сказать следующее: если ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которые вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом, и поэтому, ради всего святого, изложите с величайшей подробностью и свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступили там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу, — в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми. Не взыщите за нескладность письма. Я болен и пишу лежа, с непрерывающей болью. Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения. Я беру эти слова назад, а отвечайте на существовавшее. А если заедете, хорошо было бы.

Уважающий вас

Л. Т о л с т о й

Ответное письмо Н. Н. Миклухо-Маклая (С.-Петербург, 29 января 1887 г.)

Ваше сиятельство, глубокоуважаемый граф Лев Николаевич!

Позвольте искренно поблагодарить вас за письмо от 25 сентября и вместе с тем прошу простить, что только теперь отвечаю на него. Письмо не только было

для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях. Обдумав ваши замечания и найдя, что без ущерба научному значению описания моего путешествия, рискуя единственно показать-ся некоторым слишком субъективным и говорящим чересчур много о собственной личности, я решил включить в мою книгу многое, что я прежде, до получения вашего письма, думал выбросить. Я знаю, что теперь многие, не знающие меня достаточно, читая мою книгу, будут недоверчиво пожимать плечами, сомневаться и т. д. Но это мне все равно. Для того, чтобы мотивировать, почему мне пришлось сделать мой рассказ более длинным, вы, надеюсь, позволите мне в одном из дополнений к 1-му тому моей книги напечатать несколько выдержек из вашего письма, т. к. мне невозможно будет объяснить более кратко и просто причину, заставившую меня вставить несколько эпизодов, характеризующих мои отношения к туземцам, т. к. я убежден, что самым суровым критиком моей книги, ее правдивости и добросовестности во всех отношениях буду я сам.

Разумеется, я не буду возражать на ваши нападки на науку, ради которой я работал всю жизнь и для которой я всегда готов всем пожертвовать.

Через несколько дней я еду в Сидней; буду назад в мае. Летом или осенью, дорогою в Киевскую губернию, заеду к вам в Ясную Поляну.

С глубоким уважением посылаю, непрошенный, мою фотографию в обмен на Вашу, которую, если можно, пришлите до 8-го февраля.

М.-М.

I

ПЕРВОЕ ПРЕБЫВАНИЕ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ В НОВОЙ ГВИНЕЕ ОТ СЕНТ. 1871 г. по ДЕК. 1872 г.

19 с е н т я б р я 1871 г.*. Около 10 ч. утра показался наконец**, покрытый отчасти облаками, высокий берег Новой Гвинеи***.

* Дневник сверен по рукописи, приготовленной

Н. Н. Миклухо-Маклаем к печати, но не увидевшей свет при его жизни. Публикации дневника начиная с издания 1923 года многократно редактировались, при этом нарушался не только стиль автора, но подчас и смысл отдельных выражений. В нашем издании допущены некоторые сокращения в тексте — они отмечены угловыми скобками. — Ред. Все даты в дневнике по новому стилю. — Ред.

** Вышел из Кронштадта 27 окт. (ст. ст.) 1870 г. и заходя в Копенгаген, Плимут, ос. Мадеру, ос. С. Винцент (один из о-в Зеленого мыса), Рио-де-Жанейро, Пунто-Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькахуано, Вальпарайзо, ос. Рапа-Нуа, ос. Мангареву, Папеити (на ос. Таити), Апию (на ос. Уполу, одном из о-в Самоа), ос. Ротуму и Port Praslin (на о-ве Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о-ва Новой Гвинеи.

*** Горы Финистер (или, как туземцы называют их,

Мана-Боро-Боро), достигающие высоты слишком 10000 футов, тянутся параллельно берегу, то есть в WSW направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или 11 утра весь хребет за исключением более низких гор (1500 или 2000 ф. вышины). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозою. Таким образом к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из Port Praslin (Новой Ирландии), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс King William, находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (...). В проходе между островом Рук и берегом виднелись несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько приблизился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета*. Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высоты приблизительно до 1000

футов) и представляла очень характеристичный вид. Правильность этих террас более заметна внизу на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 часов вечера отделился от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на островке видны были крыши хижин, и по берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места, мы (90 сажень пронесло) прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

* Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на поляне по скатам гор.

20 с е н т я б р я. За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на 20. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену почти повсюду одинаковой высоты (...).

Около 10 1/2 часов, подвигаясь к заливу Астроляб{1}, мы увидели перед собою два мыса (...). Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к 12 мы были среди большого залива Астроляб.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь», капитаном второго ранга Павлом Николаевичем Назимовым, вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но кроме столбов дыма на холмах ничего не заметили, подойдя, однако ж, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженьях в 70 от берега на 27 саженьях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого скалистого, поднятого кораллового рифа берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами положительную занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливими. После долгих совещаний между собою один из них